

зло. Кто, кромѣ заблуждающагося, не видитъ зла въ томъ, чтобы выдавать ложь за истину или отвергать истину въ пользу лжи, или считать неизвѣстное за извѣстное и извѣстное за неизвѣстное? И при всемъ томъ, иное дѣло— считать добрымъ того человѣка, кто въ дѣйствительности— злой: это—ошибка; иное же дѣло—не испытать отъ этого зла какого-нибудь другого зла, если бы злой человѣкъ, принятый за добраго, несколько не повредилъ. Точно также, иное дѣло—считать ошибочно дорогу правильной, и иное—отъ этого зла, происшедшаго отъ ошибки, получить нѣчто доброе, напр., освобождение отъ бозней злыхъ людей?

Глава XX. 7. *Не всякій родъ ошибки есть грѣхъ. Опроверженіе академиковъ, которые во избѣжаніе ошибки уклоняются отъ всякаго положительнаго отвѣта.* Не знаю, нужно ли называть грѣхами и такого рода ошибки: когда человѣкъ думаетъ о дурномъ человѣкѣ хорошо, не зная каковъ онъ на самомъ дѣлѣ; или когда вмѣсто того, что воспринимаетъ мы чрезъ тѣлесныя ощущенія, встречаемъ нѣчто подобное, ощущаемое какъ бы духовнымъ тѣломъ или тѣлеснымъ духомъ, что произошло съ апостоломъ Петромъ, когда онъ, неожиданно освобожденный ангеломъ изъ оковъ и темницы полагалъ, что видитъ видѣніе (Дѣян. 12, 9); или когда въ самихъ вещественныхъ предметахъ шероховатое считается гладкимъ, горькое сладкимъ, воющее—душистымъ,—грохотъ дорожной повозки—музыкой, или одинъ человѣкъ считается за другого, когда двое бываютъ весьма похожи другъ на друга, что часто случается съ близнецами, почему говорится „...и пріятная ошибка для родителей“ (Виргилій, Энеяда, кн. 10, ст. 392), и тому подобные. Я рѣшаю сейчасъ не тотъ весьма трудный вопросъ, какой занималъ остроумнѣйшихъ академиковъ, будто бы мудрецъ, чтобы не впасть въ ошибку, и не выдавать ложь за истину

Блаж. Амусгина Эхиридіонъ.

не долженъ ничего утверждать, потому что все (какъ говорятъ они) или неизвѣстно или сомнительно. Объ этомъ я написалъ три книги въ началѣ моего обращенія, чтобы не служило для насъ препятствіемъ то, что какъ бы у самого входа полагало преграду. Нужно было устранить отчаяніе въ достиженіи истины, которое съ ихъ точки зрѣнія является неизбѣжнымъ. Итакъ, у нихъ всякая ошибка считается грѣхомъ, котораго, утверждаютъ они, нельзя избѣжать иначе, какъ только оставляя вопросы нерѣшенными. Они говорятъ, что тотъ, кто соглашается съ неизвѣстнымъ, несомнѣнно заблуждается, они доказываютъ въ остроумнѣйшихъ, но наглыхъ, спорахъ, что вѣтъ ничего несомнѣннаго и въ томъ, что люди видятъ по причинѣ невозможности выдѣлить обманы зрѣнія, хотя бы то, что воспринимается зрѣніемъ, случайно и было истиннымъ. У насъ же „праведникъ живетъ вѣрою“ (Авраамъ. 2, 4. Рим. 1, 17). А если устранить согласіе, то устраняется и вѣра, потому что безъ согласія нѣтъ вѣры. И существуютъ истины, хотя и недоступныя зрѣнію, но такія, безъ вѣры въ которыя нельзя достигнуть блаженной или что то же вѣчной жизни. Я не знаю, пужно ли намъ и разговаривать съ тѣми людьми, которые не только не ожидаютъ будущей жизни, но и не знаютъ, живутъ ли они въ настоящемъ; они говорятъ, что не знаютъ и то, чего не могутъ не знать. Ни для кого пемыслимо не знать того, что онъ живетъ, такъ какъ если онъ не живетъ, то не можетъ имѣть и незначія; имѣть знаніе и незначіе свойственно только живущему. Не соглашаясь съ тѣмъ, что они живутъ, они повидимому предостерегаютъ себя отъ ошибки; тогда какъ даже ошибкою они доказываютъ, что живутъ, потому что кто не живетъ, тотъ не можетъ и ошибаться. Какъ вѣрно и несомнѣнно то, что мы живемъ, такъ вѣрно и несомнѣнно многое такое, несогласіе съ чѣмъ свидѣтельствовало бы скорѣе объ отсутствіи мудрости, если не сказать о безуміи.

Глава XXI. *Ошибка не всегда грѣхъ, но всегда зло.* Въ тѣхъ же вещахъ, вѣра или невѣріе въ которыя безразличны для достиженія царствія Божія, которыя можно считать и истинными и ложными, въ этихъ вещахъ ошибаться, т. е. считать одну за другую, не значить грѣшить, или если грѣшить, то весьма мало и весьма легко. Да и какъ бы велика ни была эта ошибка, она не имѣетъ отношенія къ тому пути, которымъ мы идемъ къ Богу, а путь этотъ есть вѣра во Христа, вспомоцествуемая любовью (Гал. 5, 6). Съ этого пути не совращала и та пріятная для родителей ошибка въ близнецахъ, не совращался съ него и апостоль Петръ, когда онъ, думая, что видитъ видѣніе, настолько принималъ одно за другое, что не различалъ истинныхъ тѣлъ, среди которыхъ находился, отъ воображаемыхъ призраковъ тѣлъ—до тѣхъ поръ, пока услышалъ отъ него освободившій его ангель; не уклонился отъ этого пути и патриархъ Іаковъ, когда живого сына считалъ растерзаннымъ звѣрями (Быт. 37, 33). Въ этихъ и подобнаго рода обманахъ мы обманываемся, не нарушая вѣры въ Бога, и заблуждаемся, не оставляя ведущаго къ Нему пути: эти ошибки, хотя и не грѣхи, однако должны считаться въ числѣ бѣдствій настоящей жизни, настолько подверженной суетѣ, что здѣсь ложное выдается за истинное, истинное отвергается ради лжи, сомнительное считается несомнѣннымъ. Это, правда, не свойственно той вѣрѣ, чрезъ которую при ея истинности и несомнѣнности мы стремимся къ вѣчному блаженству, однако неизбежно присуще той бѣдности, въ которой мы теперь существуемъ. Если бы мы уже наслаждались тѣмъ истиннымъ и совершеннымъ счастьемъ, то не обманывались бы ни въ какомъ чувствѣ души и тѣла.

Глава XXII. *Всякая ложь—грѣхъ.* Всякая же ложь должна называться грѣхомъ потому, что человѣкъ обязанъ

говорить то, что думаетъ, будетъ ли оно истиннымъ на самомъ дѣлѣ или только считается таковымъ, знаетъ-ли онъ самъ истину или-же, какъ человекъ, заблуждается и обманывается. Всякій-же, кто лжеть противъ того, что чувствуетъ въ душѣ, говоритъ съ намѣреніемъ лгать. И во всякомъ случаѣ слова установлены не для того, чтобы люди взаимно обманывали другъ друга, но для того, чтобы каждый могъ довести до свѣдѣнія другого свои размышленія. Слѣдовательно, пользоваться словами для лжи, а не для того, для чего они установлены—грѣхъ. И поэтому никакая ложь не должна считаться безгрѣшной на томъ основаніи, что ложью мы можемъ иногда помочь кому-нибудь. Мы можемъ грѣшить и воровствомъ, если бѣднякъ, которому открыто даютъ, получаетъ выгоду, а богатый, у котораго тайно отнимаютъ, не терпитъ убытка; хотя-бы кто-нибудь также воровство и не считалъ грѣхомъ. Мы можемъ грѣшить и прелюбодѣйствомъ, если какая-нибудь женщина—въ состояніи обнаружить свою готовность умереть изъ-за любви, только согласившись на это (прелюбодѣяніе), оставаясь-же въ живыхъ, обязательно очищается покаяніемъ; и въ такомъ случаѣ это прелюбодѣяніе должно считаться грѣхомъ. Если мы по справедливости цѣнимъ цѣломудріе, то вполне согласенъ съ истинною такою порядкомъ дѣла, когда изъ-за чужой пользы цѣломудріе не нарушается прелюбодѣяніемъ и истина нарушается ложью. Нельзя отрицать, что и люди, допускающіе ложь только для спасенія человека, дѣлаютъ очень много для добра; но въ такомъ случаѣ ихъ справедливо восхваляется или даже временно вознаграждается благожелательность, а не ложь, которая только извиняется, а не одобряется; особенно у наслѣдниковъ Новаго Завѣта, коимъ говорится: *„да будетъ слово ваше: да, да; нѣтъ, нѣтъ, а что сверхъ этого, то отъ лукаваго“* (Мф. 5, 37). По причинѣ этого зла, неразлучнаго съ человекомъ въ настоящей

жизни, даже сами сонаслѣдники Христа говорятъ: „прости намъ долги наши“ (Мѡ. 6, 12).

Глава XXIII.—8. *Причина добра—благость Божія, причина зла—извращенная воля измѣняемаго добра.* Итакъ, послѣ того, какъ для изслѣдованія причинъ добра и зла по возможности кратко изложено, какой путь приводитъ насъ въ царство, гдѣ будетъ жизнь безъ смерти, истина безъ заблужденія, ничѣмъ не омрачаемое счастье; мы ни въ коемъ случаѣ не должны сомнѣваться, что причина добра, насъ касающагося, лежитъ только въ благости Божіей, а зла—въ волѣ измѣняемаго добра, отступающей отъ добра неизмѣннаго, сначала въ волѣ ангела, потомъ человѣка.

Глава XXIV.—*Вторья причины зла—незнаніе и похоть.* Это есть первое зло разумной твари, т. е. первый недостатокъ добра; потомъ уже и помимо воли человѣка незаметно подкралось незнаніе того, что нужно дѣлать и страстное влеченіе (похоть) къ тому, что нужно избѣгать, спутникомъ-же ихъ явились ошибка и скорбь: когда чувствуютъ, что угрожаетъ это двойное зло, то движеніе избѣгающаго ихъ духа называется страхомъ. Когда-же духъ достигаетъ страстно желаннаго имъ, хотя-бы пагубнаго или безполезнаго, онъ, не чувствуя своего заблужденія, или побѣждается нездоровымъ удовольствіемъ или даже предается тщетной радости. Изъ этихъ какъ-бы источниковъ болѣзней, нужды вытекаетъ все бѣдствіе разумной природы.

Глава XXV. *Наказанія за грѣхъ.* Однако эта природа и среди бѣдствій не могла лишиться стремленія къ блаженству. Бѣдствія эти общи у людей и у ангеловъ, за свою злобу осужденныхъ правдой Господней. Но человѣкъ имѣетъ и особенное наказаніе, будучи наказанъ смертью тѣла. Богъ угрожалъ ему наказаніемъ смерти въ случаѣ грѣха съ его стороны, одаряя его свободою волею съ тѣмъ, чтобы онъ

управлялъ ею, чтобы остерегался паденія; и помѣстилъ его въ раю сладости, какъ-бы въ тѣни жизни, откуда праведность восходила-бы еще болѣе усовершенная (Быт. 2, 15, 17).

Глава XXVI. *Наказаніе за грѣхъ Адама его потомства. Противъ пелагианъ.* Изгнанный послѣ грѣха изъ рай, человѣкъ и родъ свой, зараженный грѣхомъ въ немъ какъ-бы въ корнѣ, связалъ наказаніемъ смерти и осужденія; такъ что все потомство его и осужденной вмѣстѣ съ нимъ жены рождалось отъ плотской похоти (въ каковой похоти воздано было соотвѣтствующее неповиновенію наказаніе) и получало первородный грѣхъ, ведущій чрезъ заблужденія и различные скорби къ тому послѣднему, безконечному наказанію вмѣстѣ съ отпавшими ангелами, своими развратителями, властителями и сообщниками. „*Какъ однимъ человѣкомъ грѣхъ вошелъ въ міръ и грѣхомъ смерть, такъ и смерть перешла во всѣхъ человѣковъ, потому что во немъ всѣ согрѣшили*“ (Рим. 5, 12). Міромъ въ этомъ мѣстѣ апостолъ называетъ, конечно, весь родъ человѣческій.

Глава XXVII. *Состояніе чловѣка послѣ грѣхопаденія. Възстановленіе чловѣка по милосердію Божію.* Слѣдовательно, дѣло представляется такъ: осужденная масса всего рода человѣческаго лежала во злѣ или даже ватилась и низвергалась изъ одного зла въ другое, и, присоединившись къ части согрѣшившихъ ангеловъ, подверглась достойнѣйшему наказанію за нечестивое отпаденіе. Но хотя не безъ праведной воли разгнѣваннаго Бога, все, что ни дѣлаютъ злые, дѣлаютъ добровольно по слѣпому и необузданному влеченію, а ясныя и открытыя наказанія терпятъ противъ воли; однако благость Творца не перестаетъ и злымъ ангеламъ подавать жизнь и жизненную силу, безъ чего они погибнуть, не перестаетъ формировать и одушевлять и сѣмена людей (хотя-бы и рожденныхъ отъ отпрыска порочнаго и осужденнаго), не перестаетъ распредѣлять члены по возрастамъ, по разли-

цію мѣста оживлять чувства, давать питаніе. Онъ рѣшилъ, что лучше дѣлать изъ зла добро, чѣмъ допустить, чтобы совсѣмъ не было зла. И если-бы Онъ счелъ лучшимъ, чтобы совершенно не было никакого возстановленія людей, какъ нѣтъ возстановленія нечестивыхъ ангеловъ, то неужели было-бы незаслуженнымъ, чтобы природа, которая оставила Бога, которая, пользуясь своею худою властью, поправа и преступила заповѣдь своего Творца (а сохранить ее она могла весьма легко), которая осквернила въ себѣ образъ своего Создателя, упрямо отвратившись отъ Его свѣта, которая свободнымъ рѣшеніемъ вдругъ зло прервала благодѣтельное подчиненіе Его законамъ; чтобы эта природа вся на вѣки была-бы оставлена Имъ и несла-бы заслуженное вѣчное наказаніе? Такъ могъ-бы Онъ сдѣлать въ томъ случаѣ, если-бы былъ только справедливъ, но и не милосердъ, и если-бы Свое незаслуженное человѣкомъ милосердіе не обнаружилъ-бы гораздо яснѣе въ избавленіи недостойныхъ.

Глава XXVШ. 9. *Когда падшіе ангелы были отвергнуты, остальные укрѣпились въ блаженствѣ.* Въ то время какъ нѣкоторые ангелы нечестивою гордостью отпали отъ Бога и съ вышняго небеснаго жилища низринуты были въ преисподнюю тьму вѣка сего, остальное число ангеловъ пребыло въ вѣчномъ блаженствѣ съ Богомъ и въ святости. Ибо однимъ падшимъ и осужденнымъ ангеломъ прочіе увлечены были не такъ, чтобы ихъ, какъ людей, первоначальное зло связывало оковами подневольной преемственности и всѣхъ подвергало должному наказанію: но вслѣдъ за тѣмъ какъ ставшій дьяволомъ съ союзниками нечестія возгордился и этою гордостью палъ вмѣстѣ съ ними, остальные пребыли въ благочестивомъ повиновеніи Господу, получая еще и то, чего не имѣли, именно несомнѣнное знаніе, благодаря которому могли быть спокойны за свое непрестанное и неизмѣнное состояніе.

Глава XXIX. *Мѣсто отверженныхъ ангеловъ заступаетъ возстановленная въ прежнемъ состояніи часть людей.* Итакъ, Творцу и Промыслителю вселенной—Богу—угодно было, чтобы погибшая часть ангеловъ (такъ какъ не все множество ихъ погибло, оставивши Бога) пребывала въ вѣчной гибели: тѣ же, которые въ это самое время неизмѣнно пребывали съ Богомъ, радовались-бы своему вѣрнѣйшему, всегда извѣстному блаженству: а другое разумное твореніе—люди—все погибавшее во грѣхахъ и бѣдствіяхъ, и наслѣдственныхъ, и собственныхъ, это твореніе должно было по мѣрѣ своего возстановленія въ прежнемъ состояніи восполнять убыль въ сонмѣ ангеловъ, образовавшуюся со времени дьявольскаго разоренія. Ибо воскресающимъ святымъ обѣщано, что они будутъ равны ангеламъ Божиимъ (Лук. 20, 36). Такимъ образомъ, горній Иерусалимъ, мать папа, градъ Божій, не лишится ни одного изъ множества своихъ гражданъ, или, можетъ быть, будетъ владѣть даже большимъ количествомъ (См. „О градѣ Божіемъ“, кн. XXII, гл. I). Мы, конечно, не знаемъ числа ни святыхъ людей, ни нечистыхъ демоновъ, мѣсто которыхъ заступили сыны святой матери, явившейся на землѣ бесплодной (Ис. 44, 1), и будутъ пребывать въ томъ мирѣ, котораго тѣ лишились, безъ всякаго ограниченія времени. Но число тѣхъ гражданъ, и настоящее, и будущее, доступно созерцанію Художника, Который „называетъ несуществующее какъ-бы существующимъ“ (Рим. 4, 17) и располагаетъ все мѣрою, числомъ и вѣсомъ (Прем. 11, 21).

Глава XXX. *Возстановленіе людей въ прежнемъ состояніи происходитъ не по заслугамъ ихъ, а по благодати*—Однако та часть человѣческаго рода, которой Богъ обѣщаль освобожденіе и вѣчное царство, можетъ-ли возвратиться въ прежнее состояніе заслугами дѣлъ своихъ? Нѣтъ. Что добраго дѣлаетъ погибшій, прежде чѣмъ будетъ нѣсколько освобожденъ отъ гибели? Можетъ быть обновленіе рода

человѣческаго можетъ совершиться вслѣдствіе свободнаго рѣшенія воли? И это нѣтъ: потому что, пользуясь свободой самоопредѣленія во зло, человѣкъ погубилъ и себя и свободу. Какъ, если кто убиваетъ себя, то непременно убиваетъ, будучи живымъ, а послѣ самоубійства уже не живетъ, и, когда убьетъ себя, уже не будетъ въ состояніи снова самъ себя возвратить къ жизни; такъ, когда грѣхъ совершился по свободному опредѣленію воли, то съ побѣдою грѣха утеряна была и свобода. „Ибо кто къмъ побъжденъ, тотъ тому и рабъ“ (2 Пет. 2, 19). Это, какъ извѣстно, изреченіе апостола Петра; если оно справедливо, то какова, я спрашиваю, можетъ быть свобода подчиненнаго раба, кромѣ свободы грѣха? Свободно служить тотъ, кто охотно исполняетъ волю своего господина. А поэтому, кто—рабъ грѣха, тотъ и свободенъ для того, чтобы грѣшить. Поэтому-же для дѣланія правды онъ будетъ свободенъ только въ томъ случаѣ, если, освободившись отъ грѣха, станетъ рабомъ правды. Это именно есть истинная свобода, такъ какъ правое дѣло совершается съ радостью, это-же вмѣстѣ съ тѣмъ есть и благоговѣйное рабство, такъ какъ сохраняется подчиненіе закону. Но откуда явится такая свобода у человѣка подчиненнаго и проданнаго, если не выкупитъ его Вызывающій: „если Сынъ освободитъ васъ, то истинно свободны будете?“ (Іоан. 8, 36). Прежде чѣмъ это освобожденіе начнется въ человѣкѣ, хвалиться въ добромъ дѣлѣ свободою тому, кто еще не свободенъ для дѣланія добра, значитъ надменно превозноситься пустою гордостью, отъ которой предупреждаетъ апостольскія словами: „благодатью вы спасены чрезъ вѣру“.

Глава XXXI. *Вѣра и добрыя дѣла—даръ Божій.*—И чтобы не присвоивали себѣ даже самое вѣру настолько, что перестали-бы признавать ее дарованной свыше, какъ тотъ-же апостольскій говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что онъ получилъ милость бытъ вѣрнымъ (1 Кор. 7, 25); онъ также прибавилъ: „и сіе не отъ васъ, но Божій даръ, не отъ дѣлъ чтобы

никто не хвалился“ (Еф. 2, 8—9). И чтобы не думали, что у вѣрныхъ не будетъ недостатка въ добрыхъ дѣлахъ, онъ опять добавляетъ: „ибо мы Его твореніе, созданы во Христѣ Исусѣ на добрыя дѣла, которыя прежде уготовалъ Богъ, да въ нихъ ходимъ“ (Еф. 2, 10). Итакъ, мы становимся истинно свободными тогда, когда Богъ создаетъ насъ, т. е. образываетъ и творитъ не такъ, чтобы мы были людьми, это Онъ уже сдѣлалъ, но чтобы были добрыми людьми, что дѣлаетъ Онъ теперь Своею благодатью, чтобы мы были новою тварью во Христѣ Исусѣ (Гал. 5, 16), сообразно чему сказано: „сердце чистое сотвори во мнѣ, Боже“ (Пс. 50, 12). Такъ какъ сердце его, что касается природы человѣческаго сердца, Богъ уже не творилъ.

Глава XXXII. *Доброе хотѣніе—отъ Бога.*—Равнымъ образомъ, пусть никто не хвалится не только дѣлами, но и самимъ свободнымъ рѣшеніемъ воли, будто имъ начинается та заслуга, за которую дается, какъ должная награда, полная свобода дѣлать добро: пусть послушаетъ того-же провозвѣстника благодати: *Богъ производитъ въ васъ и хотѣніе и дѣйствіе сообразно съ добрымъ хотѣніемъ* (Фил. 2, 13). И въ другомъ мѣстѣ: „итакъ, не желающаго, и не подвизающагося, но милующаго Бога (Рим. 9, 16). Безъ сомнѣнія, если человѣкъ въ такомъ возрастѣ, чтобы уже пользоваться разумомъ, онъ не можетъ вѣрить, надѣяться, любить, если не желаетъ, не можетъ достигнуть руки высшаго призванія Бога, если не будетъ стремиться добровольно. Какимъ образомъ, слѣдовательно, „не желающаго, и не подвизающагося, но милующаго Бога“, если не такъ, что и само „хотѣніе, какъ написано, уготовляется отъ Господа“. (Притч. 8, 35). Впрочемъ, если „не желающаго и не подвизающагося, но милующаго Бога“ сказано потому, что (спасеніе) совершается и тѣмъ и другимъ, т. е. и желаніемъ человѣка и милосердіемъ Божиимъ, такъ что слова „не желающаго, и не подвизающагося, но милующаго Бога“ мы

можемъ понимать такимъ образомъ: недостаточно одного желанія человѣка, коль скоро не будетъ милосердія Божія, недостаточно и одного милосердія Божія, коль скоро не будетъ желанія человѣка; и если правильно, поэтому, сказано: *не желающаго человѣка, но милующаго Бога*“, такъ какъ одна человѣческая воля этого не совершаетъ; то почему нельзя сказать наоборотъ: не милующаго Бога, но желающаго человѣка, какъ какъ и одно милосердіе Божіе этого не совершаетъ? Если-же ни одинъ христианинъ не осмѣлится сказать, не становясь въ открытое противорѣчіе съ апостоломъ: не милующаго Бога, но желающаго человѣка, то поэтому такое пониманіе сказаннаго: „*не желающаго и не подвизающагося, но милующаго Бога*“, чтобы все приписывалось Богу, Который и приготовляетъ доброе желаніе человѣка для того, чтобы помочь ему и помогаетъ приготовленному—остается правильнымъ. Ибо доброе желаніе человѣка предшествуетъ многимъ дарамъ Божіимъ, но не всѣмъ; какимъ-же не предшествуетъ, и въ тѣхъ оно на лицо. О томъ и другомъ читаемъ въ св. Писаніи, и „*милость Его предваритъ меня*“ (Ис. 58, 11), и „*милость Его да сопровождаетъ меня*“ (Ис. 22, 6). Нежелающаго предваряетъ, чтобы онъ желалъ; желающаго сопровождаетъ, чтобы желалъ не напрасно. И почему мы получаемъ увѣщаніе молиться за нашихъ враговъ (Мѡ. 5, 44), когда они не хотятъ жить благочестиво, если не потому, что Богъ производитъ въ нихъ и желаніе? Равнымъ образомъ, почему мы увѣщиваемся просить, чтобы получить (Мѡ. 7, 7), если не потому, что все, что мы желаемъ, исполняется Тѣмъ, Кѣмъ создано самое наше желаніе? Следовательно, мы молимся о нашихъ врагахъ, чтобы милость Божія предваряла ихъ такъ-же, какъ она предваряетъ и насъ, о себѣ-же молимся, чтобы милость Его сочувствовала намъ.

Глава XXXIII. 10.—*Люди, рожденные въ чадѣхъ гнѣва, нуждались въ примирителѣ Христѣ* Что такое

гнѣвъ Божій?—Итакъ, родъ человѣческій находился подъ праведнымъ осужденіемъ и все были чадами гнѣва. Объ этомъ гнѣвѣ написано: „*ибо все дни наши исчезли и мы исчезли въ гнѣвъ Твоемъ, лѣта наши какъ паутина замышлялись*“ (Пс. 89, 9). Объ этомъ гнѣвѣ говоритъ и Іовъ: „*ибо человекъ рожденный женою кратокъ жизнью и исполненъ гнѣва*“ (Іовъ, 14, 1). Объ этомъ гнѣвѣ говоритъ и Господь Іисусъ: „*впрудый въ Сына имѣетъ жизнь вѣчную; а не впрудый въ Сына не имѣетъ жизни, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ*“ (Іоан. 3, 36); не говоритъ: придетъ, но „*пребываетъ*“. Съ нимъ рождается каждый человекъ. Поэтому апостолъ говоритъ: „*были и мы по природѣ чадами гнѣва, какъ и прочіе*“ (Ев. 2, 3). Такъ какъ въ этомъ гнѣвѣ люди были влѣдствіе первороднаго грѣха, тѣмъ болѣе тяжелаго и гибельнаго, чѣмъ больше грѣховъ они прибавили къ нему, то необходимъ былъ Ходатай, т. е. Примиритель, Который утишилъ-бы этотъ гнѣвъ принесеніемъ единичной жертвы, прообразованной всеми жертвами закона и пророковъ. Объ этомъ апостолъ говоритъ: *Ибо, если будучи врагами, мы примирились съ Богомъ смертію Сына Его, то тѣмъ болѣе, примирившись нынѣ Кровію Его, спасемся Имъ отъ гнѣва*“ (Рим. 5, 9—10). Когда-же говорится, что Богъ гнѣвается, то этимъ не обозначается то волненіе, какое бываетъ въ душѣ гнѣвающагося человека; но отъ названія, прилагаемаго къ страстямъ человѣческимъ, ния гнѣва получила Его кара, могущая быть только справедливой. Слѣдовательно, то, что мы чрезъ Ходатая примиряемся съ Богомъ и получаемъ Духа Святого, чтобы изъ враговъ сдѣлаться сынами, „*ибо все, водимые Духомъ Божіимъ, суть сыны Божіи*“ (Рим. 8, 14), это—благодать Божія въ Іисусѣ Христѣ Господѣ нашемъ.

Глава XXXIV. *Ходатай Христосъ, неизреченнымъ воплощеніемъ Слова рожденный отъ Маріи. Противъ апопляріанъ.*—Чтобы сказать объ этомъ Ходатаѣ все, какъ

слѣдуетъ, надо говорить пространно, хотя искать по достоинству для человѣка и невозможно. Ибо кто можетъ выразить вполне подходящими словами только то одно, что „Слово стало плотью и обитало съ нами“ (Іоан. 1, 14), чтобы мы вѣрили въ единственнаго Сына Бога Отца Вседержителя, рожденнаго отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы? Слово стало плотью такъ, что плоть была воспринята Божествомъ, а не Божество пзмѣнилось въ плоть. Подъ плотью, далѣе, здѣсь мы должны разумѣть человѣка, по употребленію въ рѣчи части вмѣсто цѣлаго, какъ сказано: „потому что дѣлами закона не оправдывается никакая плоть“ (Рим. 3, 20), т. е. никакой человѣкъ. Ибо нельзя говорить, что при томъ воспріятіи природѣ человѣческой чего-нибудь недоставало, хотя-бы природѣ и свободной всецѣло отъ всякаго грѣха; не такой это человѣкъ, какой рождается отъ двухъ половъ черезъ плотскую похоть съ обязательнымъ преступленіемъ, отвѣтственность за которое снимается возрожденіемъ, но какой долженъ былъ родиться отъ Дѣвы, зачатый вѣрою Матери, а не страстью: если-бы при рожденіи Его нарушилась Ея чистота, то Онъ уже родился-бы не отъ Дѣвы и Его ложно (да не будетъ этого!) исповѣдывала-бы вся церковь рожденнымъ отъ Дѣвы Маріи;—церковь, которая, подражая Его Матери, ежедневно рождаетъ своихъ членовъ, оставаясь дѣвою. Читай, если угодно, о дѣвствѣ святой Маріи мои письма къ славному мужу, котораго я называю съ честью и утѣшеніемъ, Волюзіану (письмо 137).

Глава XXXV. *Христось—слѣсть Богъ и человекъ. Противъ заблужденія Лепорія сначала, а позже несторіанъ.* Такъ, Христось Іисусъ Сынъ Божій есть и Богъ, и человекъ. Богъ прежде всѣхъ вѣковъ, человекъ въ нашемъ вѣкѣ. Богъ, потому что—Слово Божіе „ибо Богомъ было Слово“ (Іоан. 1, 1); человекъ-же,—потому что въ единство лица съ Словомъ вступила разумная душа и плоть. Поэтому, Онъ—Богъ, Онъ и Отець—одно (Іоан. 10, 30), поскольку-

же—человѣкъ, Отець—болѣе Его (Іоан. 14, 28). Ибо хотя Онъ былъ единственнымъ Сыномъ Божіимъ, (сыномъ) не по благодати, но по природѣ, почему былъ и полонъ благодати, сталъ и сыномъ человѣческимъ: одинъ и тотъ-же былъ тѣмъ и другимъ, изъ обонхъ одинъ Христосъ. „Ибо, такъ какъ Онъ былъ въ образъ Бога, Онъ не считалъ хищеніемъ быть тѣмъ. члмъ былъ по природѣ, т.-есть равнымъ Богу. Истоцилъ-же Себя, принявъ образъ раба“ (Фил. 2, 6—7), не теряя или не уменьшая образа Божія. А поэтому и меньшимъ сталъ, и остался равнымъ, и то и другое—одинъ, какъ связано: но иное, какъ Слово, иное, какъ человекъ: какъ Слово—равенъ Отцу, какъ человекъ—меньшій. Одинъ Сынъ Божій, и Онъ-же—Сынъ Человѣческій; одинъ Сынъ Человѣческій и Онъ-же—Сынъ Божій: не два Сына Божія, Богъ и человекъ, но одинъ Сынъ Божій, Богъ безъ начала, человекъ съ извѣстнаго начала, Господь пацъ Іисусъ Христосъ.

Глава XXXVI. 11. *Благодать, проявленная ради достоинства Сына Божіа въ человекъ Христъ безъ всякихъ съ Его стороны заслугъ.*—Здѣсь, безъ сомнѣнія, торжественно и наглядно обнаруживается благодать Божія. Ибо заслужила ли человѣческая природа въ человекѣ Христѣ то, чтобы быть принятой единично въ единство лица единого Сына Божія? Какая благая воля, стремленіе къ какой благой цѣли, какія добрыя дѣла предшествовали, за которыя этотъ человекъ заслужилъ-бы стать однимъ лицомъ съ Богомъ? Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, человекъ существовалъ прежде и этимъ проявлено было къ нему исключительное благоволеніе, когда онъ исключительнымъ образомъ заслужилъ Бога? Бздъ тотъ, кто началъ существовать человекомъ, былъ не иной кто, какъ Сынъ Божій: и это—человекъ единственный въ своемъ родѣ, а ради Бога Слова, которое, воспринявъ его, стало плотью,—также и Богъ; такъ что, какъ каждый человекъ есть одно лицо, именно разумная душа и тѣло, такъ и

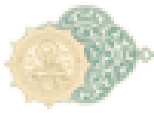

Христось—одно лицо, Слово и человекъ. Откуда-же такая слава человеческой природы, какъ незаслуженная, несомнѣнно даровая, если не обнаруживается здѣсь наглядно для разсуждающихъ съ вѣрою и трезво великая и исключительная благодать Божія, съ тою цѣлью, чтобъ люди поняли, что тою-же благодатью они оправдываются отъ грѣховъ, по которой произошло такъ, что человекъ Христось не могъ имѣть никакого грѣха? Такъ и Матерь Его привѣтствовала ангелъ, когда возвѣстилъ ей будущее ея Двяти: „*радуйся*“, говорить, *исполненная благодати*“. И немного спустя: „*мы обрѣли*, говорить, *благодать у Бога*“ (Лук. 1, 28, 30). И говорить о ней, что она исполнена благодати и что обрѣла благодать у Бога потому, что была матерью Господа своего и виѣсть Господа всѣхъ. Объ этомъ-же Христъ евангелистъ Іоанвъ, послѣ того какъ свазалъ: „*и Слово стало плотью и обитало съ нами*“, говорить: „*и мы видѣли славу Его, какъ едиnorodнаго отъ Отца, полнаго благодати и истины*“ (Іоан. 1, 14). Что говорить: „*Слово стало плотью*“, это—„*полнаго благодати*“. Что говорить: „*славу едиnorodнаго отъ Отца*“,—это—„*полнаго истины*“. Дѣйствительно, сама Истина, едиnorodный Сынъ Божій, Сынъ не по благодати, но по природѣ, благодатию воспринялъ человекъ въ такое единство лица, что Онъ-же былъ и сыномъ человеческимъ.

Глава XXXVII. *Рожденіе Христа являетъ благодать тѣмъ, что есть рожденіе отъ Духа Святаго.* Тотъ-же Іисусъ Христось Сынъ Божій едиnorodный, то есть единственный, Господь нашъ, родился отъ Духа Святаго и Дѣвы Маріи. И Духъ Святой есть непремѣнно даръ Божій, хотя и Самъ равенъ Дарующему; поэтому и Духъ Святой есть Богъ, не меньшій Отца и Сына. Что-же иное, какъ не сама благодать обнаруживается въ томъ, что рожденіе Христа по человечеству есть рожденіе отъ Духа Святаго? Ибо когда Дѣва спросила у ангела, какимъ образомъ произойдетъ то, что возвѣстилъ онъ ей, такъ какъ она мужа не знала, ангелъ

отвѣтилъ: „Духъ Святый найдетъ на тебя, и сила Всевышняго осенитъ тебя; посему и рождаемое отъ тебя Святое, наречется Сыномъ Божиимъ“ (Лук. 1, 35). И Иосифъ, когда захотѣлъ отпустить ее, подозрѣвая въ прелюбодѣяніи, такъ какъ зналъ, что она имѣетъ во чревѣ не отъ него, получилъ такой отвѣтъ отъ ангела: „не бойся принимать Маріамъ жену твою, ибо родившееся въ ней есть отъ Духа Святаго“ (Мѣ. 1, 20), то есть подозрѣваемое тобою отъ другого мужа есть отъ Духа Святаго.

Глава XXXVIII. 12. *Христосъ рожденъ отъ Духа Святаго не какъ отъ отца, отъ Маріи-же какъ отъ матери.*—Однако хотимъ-ли мы этимъ сказать, что отецъ чловѣка Христа есть Духъ Святый, такъ что Богъ Отецъ родилъ Слово, Духъ Святый чловѣка, изъ каковыхъ двухъ субстанцій состоялъ одинъ Христосъ, и сынъ Бога Отца, какъ Слово, и сынъ Духа Святаго, какъ чловѣкъ; хотимъ-ли мы сказать, что Духъ Святый родилъ Его, какъ отецъ отъ матери дѣвы? Кто осмѣлился говорить это? И не требуется подробно доказывать, какъ нецѣлы выводы изъ такого разсужденія; оно само уже настолько нецѣло, что его не въ состояніи вынести никакія вѣрующія уши. Мы исповѣдуемъ такъ: Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Который, какъ Богъ—отъ Бога, по чловѣчеству-же рожденъ отъ Духа Святаго и Дѣвы Маріи, и обѣ субстанціи, именно божеская и чловѣческая, есть единственный Сынъ Бога Отца Вседержителя, отъ Котораго исходитъ Духъ Святый. Какимъ-же образомъ, слѣдовательно, мы называемъ Христа рожденнымъ отъ Духа Святаго, если Его не родилъ Духъ Святый? Потому-ли, что Онъ сотворилъ Его? Такъ какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, по скольку Онъ есть Богъ,—„*все чрезъ Него сотворено*“ (Іоан. 1, 3), поскольку-же чловѣкъ,—и Самъ сотворенъ, какъ говорить апостолъ: „*созданъ отъ сѣмени Давидова по плоти*“ (Рим. 1, 3). Но если-то твореніе, которое зачала и родила Дѣва, хотя и имѣющее отношеніе къ

Труды Киевской Духовной Академии

ТРУДЫ
КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМИИ.

1907.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

К І Е В Ъ.

Тип И. И. Горбунова, Крещ., д. Дегтерева, № 38-й.
1907.